

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к российскому изданию	7
Предисловие	13
Камуфляж	20
Цивилизация	74
Ложь	129
Искусство	183
Личность	242
Статус	313
Аутентичность	347
Любовь	393
Библиография, источники, комментарии и советы для тех, кто хочет изучать эти темы и дальше	455

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

В процессе подготовки российского издания этой книги я вдруг узнал, что на русском языке правда может называться не только правдой, но и истиной. Я спросил у переводчика, чем они отличаются, и получил ответ, что правда продуцируется человеком, а истина означает нечто незыблемое и данное свыше. В языке два этих понятия дополняют друг друга, и если «правда» используется в повседневном и юридическом контекстах, то под истиной нередко подразумевается некая экзистенциальная высшая правда.

Корень существительного «истина» восходит к глаголу «быть», а само существительное обозначает нечто большее, чем просто правдивость отдельного высказывания. Если верить писательнице Светлане Бойм, русские интеллектуалы в свое время «понимали друг друга с полуслова». Правда скрывалась в невысказанном, и в этом отличие от американской установки «напрямую высказывать то, что думаешь». По мнению Бойм, излишняя прямолинейность кажется русскому искусственной и деланой. Русские вообще с недоверием относятся к «западным традициям», противопоставляя их более искренним российским обычаям. Проявление подобного недоверия

характерно также и для русских писателей: Денис Фонвизин, например, называет парижскую жизнь «глупым подражанием», а Толстой отметил в дневнике, что российские аристократы, перенявшие западные привычки и манеры, ведут себя, словно актеры, постоянно играющие какую-то роль. Бойм подчеркивает, что многие герои русской литературы — среди них Левин у Толстого и князь Мышкин у Достоевского — отличаются неловкостью, не могут толком выразить свои мысли и не умеют правильно вести себя в обществе. И именно благодаря данным особенностям эти герои кажутся настоящими.

В работе «Русские культурные скрипты и их отражение в языке» Анна Вежбицкая описывает, каким образом общение среди носителей русского языка превращается в демонстрацию искренности: для носителей русского языка несвойственно использовать вежливые фразы и расточать похвалы на пустом месте. Иначе говоря, когда они полагают, что ваша новая прическа вам не идет, комплимента вы не дождетесь. Как правило, подобная искренность сочетается с недоверием к традиционной вежливости, которая считается показателем фальши. В руководствах, написанных для западных предпринимателей, желающих постичь русскую культуру, нередко приводятся советы относительно того, какое поведение вызывает доверие и считается искренним. И если на Западе достаточно соблюдения внешних правил и традиций, то заставить русских доверять вам будет намного сложнее, ведь доверие для них — чувство более глубокое. Подписанного договора будет недостаточно для установления доверительных отношений. Они возникают лишь спустя какое-то время, после долгих доверительных бесед, совместных трапез и посещения бани. Лишь тогда партнеры начинают доверять друг другу. И если английское

слово «sincerity» обозначает, скорее, прямоту, то русское «искренность» связано с установлением тесных, почти родственных связей. Добиться доверия русского непросто, однако подобное доверие будет более глубоким и подлинным.

Наряду с понятиями «правда» и «истина» мое внимание привлекли синонимы «ложь» и «вранье». Но если «ложь» — понятие нейтральное, то «вранье» означает нечто типично русское: это своего рода истории, в которых правда приукрашивается или искажается. Цель подобных историй — развлечь слушателя, поэтому тот даже проникается определенной симпатией к вруну. Судя по описанию, данному Достоевским, вранье — это истории, возникающие, когда рассказчик настолько увлекается собственной ложью, что сам отчасти начинает ей верить. Впоследствии врун вспоминает свои выдумки со смешанным чувством: с одной стороны, он испытывает гордость за произведенное на слушателя впечатление, а с другой — изумляется собственной безграничной фантазии.

Однако, дорогой мой российский читатель, все это вы наверняка знаете намного лучше меня. Я же упоминаю о некоторых культурных особенностях и «непереводимых» понятиях только для того, чтобы показать, насколько сложно бывает «расшифровать» общество, анализируя его со стороны, насколько по-разному мы трактуем понятие правды и каким образом культура, эпоха и ситуация влияют на наше восприятие истинности и фальши, подлинности и подделки. Само понятие правды постоянно меняется и часто зависит от того, с какой позиции мы его рассматриваем.

Тем не менее, читая о том, как подлинность трактуется в русской культуре, я нахожу множество черт,

характерных для моей собственной культуры и мировоззрения. Мы, норвежцы, тоже больше ценим нашу «родную» крестьянскую искренность, а не изящные, пришедшие из Франции манеры. А увлекательные, но не особенно правдивые истории мы тоже называем байками. Похоже, представители большинства культур согласны смириться с тем, что креативность идет бок о бок с ложью и что порой лучше сделать вид, будто веришь, — и неважно, идет ли речь о супружеской ссоре или высокой дипломатии.

Человек — существо прагматичное, но социальное, и при этом мы стараемся показать себя с наилучшей стороны, так что обман и самообман защищают нас самих и окружающих от наименее приятных проявлений нашей сущности. Обман ради того, чтобы пощадить чувства собеседника, норвежцы называют белой ложью. Анна Вежбицкая утверждает, будто в русском языке подобного выражения не существует, однако я узнал, что имеется нечто похожее, а именно, «ложь во спасение». Поэтому возможно, что Вежбицкая и сама немного преувеличивает, желая донести до нас истину. К подобным уловкам представители большинства культур тоже относятся с пониманием. Мы любим хорошие байки и знаем, что у правды и лжи имеется множество вариантов.

Проявления обмана и истины меняются в зависимости от эпохи и места, однако нами движут одни и те же импульсы. Как правило, людям свойственно искать правду, но при этом они стремятся сохранить хорошие отношения с окружающими. Мы желаем докопаться до основы, истины, в которой невозможно усомниться, и поэтому создаем законы и правила, устанавливаем нормы, позволяющие контролировать общественное доверие, — этому посвящена глава о цивилизации. И те же мотивы побуждают

нас сомневаться в увиденном, если мы подозреваем, что его форма не соответствует содержанию. В таких случаях мы пытаемся добраться до внутренней истины, и поиск этой сущности я описываю в главе о личности.

Мы хотим, чтобы искусство было подлинным — и именно поэтому понятие «истина» так полюбили ленинградские рок-музыканты 80-х. Из-за любви к подлинности мы с определенной долей недоверия относимся к техническим достижениям, к которым прибегают музыканты и художники. Мы боимся, что они утратят подлинность, и нашему восприятию искусства я посвятил отдельную главу. Мы также желаем, чтобы сама жизнь была аутентичной, что привело к парадоксу: само проявление аутентичности стало продуктом и объектом торговли. Этот парадокс я разбираю в главе «Аутентичность».

В борьбе за выживание и развязанных человечеством войнах умение распознавать чужой обман и маскировать свой собственный становится жизненно важным, и в главе о камуфляже и тактике я обращаюсь к посвященным этой теме исследованиям. Возможно, подобные истории даже отчасти объяснят нам, почему мы, будучи прекрасными лжецами, на удивление плохо распознаем ложь. Но более подробно об этом — в главе «Ложь». Впрочем, не исключено, что нам самим нравится заблуждаться, о чем я и рассказываю в главе о «настоящей любви». Существует ли любовь или же вера в нее — дань традиции? И если существует, то делает ли она нас счастливыми? И бывает ли любовь обманчивой?

Истина заключается в том, что человек — самое лживое и в то же время наиболее правдолюбивое животное во всем мире. Поиск лжи и правды похож на волокна одного каната, который мы тянем за собой сквозь биологию, историю и общество, и, работая над книгой, я словно

распутывал завязанные на этом канате узлы. Я бесконечно рад, что теперь, благодаря русскому языку и издательству «Альпина Паблицер», у моей книги появятся новые читатели. Надеюсь, она вам понравится!

*Бор Стенвик,
Осло, 10 февраля 2016 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2012 году одна из китайских новостей вдруг обошла весь мир: в Интернете и на экранах телевизоров замелькали сообщения о Цзянь Фэне, подавшем в суд на собственную супругу и выигравшем иск на 75 000 долларов. Увидев, какого «на редкость уродливого» ребенка жена ему родила, китаец обвинил ее в неверности, однако оказалось, что она обманула его по-другому. На самом деле еще до знакомства с будущим мужем женщина неоднократно ездила в Южную Корею, где перенесла ряд пластических операций, общая стоимость которых составила 100 000 долларов. Обманутый супруг обвинил жену в предоставлении ему ложной информации о себе, и суд принял сторону истца.

Сообщения сопровождались фотографиями женщины, сделанными до и после операций. И если на первом фото глаза у нее были маленькими, а из-за полуприкрытых губ виднелись кривые выпирающие зубы, то со второго снимка на нас смотрела волоокая красотка с чувственным ртом. Возмущению комментирующих не было конца: еще бы, бессердечный отец обрек на страдания несчастного, ни в чем не повинного ребенка... Впрочем, некоторые все же оправдывали такой поступок, ведь как ни крути, а китайца облапошила собственная жена.

Чем больше об этом деле размышляешь, тем сильнее запутываешься. Можно ли считать пластические операции мошенничеством? Ведь использование обычной косметики таковым не считается... И как тогда относиться к тем, кто осветляет волосы? Если и они мошенники, значит, на их удочку уже попался не один десяток мужчин. И если мы ставим под сомнение честность той китайки, то и поведение ее супруга безупречным не назовешь. Ведь разве можно вот так расквитаться с тем, кого искренне любишь?

Однако интереснее всего, вероятно, задуматься о причине, по которой именно это семейное судебное разбирательство привлекло к себе столько внимания в странах, находящихся за тридевять земель от Китая. Внутри нас словно заложен некий скрытый механизм, обостряющий наш слух каждый раз, когда мы слышим о предательстве или подделках, — иначе говоря, когда нечто выдает себя не за то, чем в действительности является. Человеческое внимание постоянно притягивали такие понятия, как *настоящий*, *фальшивый*, *аутентичный*, *поверхностный*, *показуха*, *копия* и *оригинал*. Все с этим связанное непременно порождает горячие споры, в которых бурно обсуждаются не только эстетические, но и моральные стороны явления.

Я, подобно большинству людей, считаю такие темы необычайно занимательными. Почему для нас так важно отличать настоящее от подделки и как мы к этому пришли — вот вопросы, которыми я в свое время задался. Поиски ответов породили множество других вопросов. Наш интерес к блефу — это врожденное свойство или же часть культуры? Какую роль ложь и обман сыграли в развитии нашей цивилизации? Бывает ли война честной? Где проходит грань между приукрашиванием и хитростью? Каковы мы на самом деле? И что же такое настоящая любовь?

Критически настроенные блогеры провели собственное расследование, в ходе которого выяснилось, что та китайская новость 2012 года — вовсе не новость, а пересказ (сильно приукрашенный) события, произошедшего в 2004 году, причем сведения о нем были получены из весьма сомнительных источников. И это свидетельствует о еще одном качестве лжи: ложь прекрасно уживается с фантазией. История приобрела популярность — значит, те, кто стоял за распространением этой новости, отличались неплохим чутьем. Очевидно, именно благодаря подобному чутью мы выделяем темы, обещающие быть актуальными в мире, где мы можем улучшать окружающую действительность и нас самих. Многие родители заставляют детей носить очки, хотя сами давно уже восстановили зрение при помощи операций, а реклама то и дело подсовывает изображения прекрасной, но не существующей реальности. Вероятно, та история была слишком хорошей для того, чтобы оказаться еще и правдивой, но вызванный ею ажиотаж лишь подтверждает слова Пабло Пикассо о «лжи, которая помогает понять правду».

В этой книге речь пойдет не только о красоте и слухах. Я расскажу еще и о войнах, политике, дизайне автомобилей, фильмах, биологии, исследованиях мозга, знакомствах, искусстве и музыке. Перечислить все существующие способы мошенничества и обмана не представляется возможным, поэтому я решил изучить исключительно то, что занимает меня самого. Много лет назад один редактор посоветовал мне писать только об интересующих меня явлениях, другой же рекомендовал «искать там, где горит». Конечно, не в прямом смысле — он просто имел в виду, что дыма без огня не бывает. И я старательно следовал обоим советам.

Изучая аспекты интересующего меня явления, я встречался с разными людьми и посещал места, благодаря которым смог взглянуть на эту необъятную тему с различных сторон. Один полицейский рассказал мне, как разоблачить лжеца, а искусствоведы помогли вникнуть в тайны подделок. Не боясь разрушить собственные представления о цельной личности, я отправился в Лондон и записался на курсы этикета, где попытался освоить непростую науку манер и поведения. В сопровождении инструктора-пикапера я прогулялся по улицам Осло, стараясь понять, является ли искусство соблазнения своеобразной формой мошенничества. И я с величайшей тщательностью изучал уже существующие в каждой из этих сфер теории и идеи.

Научно-популярные книги, посвященные исследованию одной обширной темы на множестве примеров, часто называют «Big Idea Books». Их цель — привести читателя к единой теории, объясняющей все на свете. Эта книга совершенно иная. Мне хочется, чтобы читатель делал открытия вместе со мной, чтобы мы вместе поражались отдельным примерам блефа и хитрости, находили между ними сходство и размышляли о том, почему истина и ложь представляются нам именно такими. Если вам вздумается более основательно ознакомиться с одним из затронутых мной аспектов, то советую обратиться к источникам, на которые я ссылаюсь. Ну а мы с вами исследуем секреты и заглянем в самые укромные уголки этой темы — надеюсь, впечатление от этого только улучшится.

Конечно, в процессе создания книги мне пришлось пожертвовать многими увлекательными историями и занимательными фактами о медицине, спорте, экономике и других сферах, которым просто не нашлось места в окончательном варианте. Например, историей о рыдающем пациенте скорой помощи, которого госпитализировали

с давлением 80/40. По его словам, он принимал участие в одном медицинском исследовании и случайно принял чересчур большую дозу экспериментального препарата. Когда врачи вызвали организаторов эксперимента, выяснилось, что пациент был в числе тех, кому давали совершенно безвредные таблетки, не содержащие никаких медицинских препаратов. Симптомы отравления тотчас же исчезли, и мужчина расплакался — на этот раз от радости.

Мне также пришлось отказаться от глав об информаторах в Ирландской республиканской армии, акционерных роботах, архитектуре Лас-Вегаса и о легендарном «капитане из Кёпеника» Вильгельме Фогте. Не сомневаюсь, что многие читатели сочтут некоторые главы неполными, но надеюсь, что мое любопытство привело меня к открытиям, которые придутся по душе каждому из них. Я намеренно стараюсь затрагивать новые для меня самого темы, обращаюсь как к гуманитарным, так и к естественнонаучным дисциплинам и пользуюсь примерами из жизни, литературными и искусствоведческими фактами, а также результатами научных исследований.

Моя книга напоминает долгую и непростую экспедицию, и, как можно судить по названиям глав, нашими проводниками станут несколько крупных теорий. Эти теории довольно противоречиво трактуют блеф, обман и самообман, что и составляет основу повествования. Однако мне не хотелось бы подыскивать единое универсальное объяснение, и я решил не разрубать узел, а постарался его распутать.

Я пришел лишь к одному выводу: наши представления о честности и порядочности зависят от того, под каким углом мы рассматриваем ситуацию. Если считать брак взаимовыгодным обменом, выходит, что претензии Цзянь

Фэна к собственной супруге выглядят вполне обоснованными: ведь он получил далеко не тот товар, за который заплатил. Тем не менее в современном представлении любовь не товар, а внутренние качества личности должны цениться дороже, чем внешность.

История о мелочном китайце — это облеченные в современную форму сплетня или миф, выполняющие общественную функцию: в них излагаются нормы, которым должны следовать представители современного общества. Однако большинство из нас восприняли эту историю как новость и потому начали оценивать ее с позиции, предполагающей совершенно иные требования к степени достоверности полученной информации.

Эта история свидетельствует еще об одном изменении: развитие технологий повлияло и на восприятие «истинной» красоты. Речь идет не только о той красоте, которая нас окружает, не только о вкусах, но также о нашем отношении к подделкам и искусственности.

В процессе создания этой книги я немало узнал о блефе. К примеру, понял, что надо сохранять определенную долю недоверия к сообщаемым сведениям и что их источники следует проверять. Кроме того, я осознал, что мы нередко обманываем самих себя, страдая от собственных предположений, предрассудков и других, более сложных форм самообмана. Из любви к увлекательным рассказам мы склонны жертвовать здравомыслием — этим и объясняется популярность китайской новости. Оценивая других, мы тоже руководствуемся предрассудками, делаем ошибочные заключения и невольно начинаем полагать, что чем человек красивее, тем он умнее. Мы считаем себя более цельными, искренними и привлекательными, нежели в действительности являемся. Зачастую эти неверные представления помогают нам

легче воспринимать мир, однако правда о мире остается от нас скрытой.

Я научился с недоверием относиться к собственным взглядам, особенно в тех случаях, когда они для меня выгодны, — и это, наверное, самый полезный урок, полученный мной при работе над этой книгой. К примеру, я считаю, что в последнее время больше других членов семьи занимался уборкой. Но насколько это мнение соответствует действительности? А как насчет моего стиля жизни и сформировавшихся мнений — неужели я придерживаюсь их совершенно осознанно? Собирая материал, я наткнулся на интервью с нейрофизиологом: он утверждает, что самая высокая степень вероятности того, что человек прав в каком-либо утверждении, — всего 60%. В таком случае у меня есть все основания не делать в заключение этой книги обобщающих выводов.

Сам я жду от книг примерно того же, чего ожидаю от людей. По-моему, лучшее времяпрепровождение — это слушать того, кто может поделиться увлекательными историями, удивить и совершенно очаровать тебя. И я надеюсь, что моя книга станет для вас таким рассказчиком.

КАМУФЛЯЖ

Пушки в кустах — Бейонсе — Институт военных исследований — Манящие крабы — Кубисты и их военные корабли — Предательская униформа — Честная битва — Нападение исподтишка — Кукушки и гонка вооружений — Военные фокусники — Городская маскировка — Камуфляж в моде — Энди Уорхол — Повседневная одежда как камуфляж — Герилья — Замаскированные мотивы

Если вы увидите в книжном магазине красочную книгу фотографа Кристиана Швагера, то непременно остановитесь. На обложке изображено швейцарское шале — величественное деревянное здание с террасой, массивной крышей, зелеными ставнями и уютными занавесками. Перед домом небольшой дровяной сарайчик, к стене которого прибито колесо от телеги. Если открыть книгу, то вы обнаружите множество фотографий старых домов в Альпах — спрятанных за деревьями, или выглядывающих из-за зеленоватых холмов, или соседствующих с другими домами в крошечных деревнях. «Уютненько у них там, в Швейцарии, — наверняка подумаете вы, — даже, пожалуй, чересчур. Прямо как на открытке». И вернете книгу на полку.

Но постойте-ка! Давайте опять возьмем эту книгу в руки — хотя бы для того, чтобы прочесть название: «Фальшивые шале». Итак, взглядимся в снимки. Здания

и правда выглядят как-то странно, стены местами кривые, доски изгибаются, как на картинах Дали. А в окнах не отражается ни небо, ни солнце... Что же с этими строениями не так и отчего они так подозрительно похожи на нарисованные? Может, оттого что они *и впрямь* нарисованы?

Первое фальшивое шале Кристиан Швагер обнаружил в 2000 году. Во время прогулки по горам он вдруг набрел на дом, который показался ему удивительно узким и маленьким. Кому и зачем понадобился такой дом? И лишь когда фотограф подошел поближе, он понял, что перед ним бункер, стены которого замаскированы под стены шале. На самом деле за этими очаровательными фасадами скрывается суровая действительность, а за фальшивыми дверями прячутся готовые к бою пушки.

Большинство из этих зрительных обманок построили в 1930-х и 1940-х годах, когда шпионаж с воздуха был для Европы обычным делом. Чтобы как следует замаскировать пушки и зенитные установки, армия привлекла театральных декораторов, и те приступили к работе с поистине швейцарской тщательностью. Если отойти от дома на 20 метров, то деревянные стены и нарисованные занавески действительно кажутся настоящими. Когда Швагер ездил по окрестностям и фотографировал эти сооружения, ему попадались местные жители, прожившие в соседстве с бункером 20 лет и ни разу не усомнившиеся в том, что рядом — обычный милый домик.

Если теперь, узнав все это, мы вновь взглянем на обложку, то сразу же поймем, что скатная крыша, окна и занавески нарисованы прямо на стене бункера, а балкон изображен на прикрепленной к стене фанере. Теперь, когда нам известно, на что именно надо смотреть, кажется удивительным, что мы могли так обманываться.

Наш мозг устроен таким образом, что, когда мы видим что-либо, он формирует ряд ассоциаций и сигналов и сравнивает их с уже существующими воспоминаниями. И как только мозг находит похожие воспоминания, он вмещает их с вновь поступившими сигналами и создает правдоподобную модель увиденного. Именно такая модель мира и существует в нашем сознании — мы видим то, что ожидаем увидеть. Пока нашим ожиданиям ничто не противоречит, эта модель прекрасно выполняет свои функции. Мы замечаем несовпадения, лишь когда в нашем собственном восприятии что-то меняется. Мы годами садимся по утрам в машину и, полусонные, одной и той же дорогой едем на работу. Однако, если в нашей машине оказывается кто-либо, незнакомый с местностью, он непременно приметит что-то, чего мы прежде никогда не замечали. И только тогда мы очнемся и должным образом разглядим то, что нас окружает, — совсем как в истории с фальшивыми шале.

Пой собственным голосом!

Прохладным январским утром 2013 года, перед второй инаугурацией президента Барака Обамы, основной темой обсуждения была речь президента. Как он охарактеризует финансовый кризис? Окажет ли поддержку гей-парам? И что насчет присутствия США в Ираке и Афганистане? Когда он собирается отозвать оттуда войска и какие шаги предпримет, чтобы обеспечить спокойствие в этих регионах? Упомянет ли об угрозе атомной безопасности со стороны Ирана и Северной Кореи и выступит ли с предупреждением?

Интересовали прессу и более банальные вопросы. Гладко ли пройдет церемония? Не оговорится ли президент во время присяги, когда будет произносить речь,

как это произошло при первой инаугурации? И не загорится ли сцена, как во время присяги Джона Кеннеди? Никто и не предполагал того скандала, который вскоре раздуют онлайн-издания. Казалось, что во время самого торжества на этот факт никто и внимания не обратил, но всего через пару дней в средствах массовой информации появились сведения, якобы полученные от одного из музыкантов оркестра морской пехоты, выступавшего на празднике. Похоже, певица Бейонсе, исполнявшая на инаугурации гимн США, на глазах у всего мира просто-напросто шевелила губами под фонограмму!

Дебаты о политической программе Америки тотчас же уступили место «загадке Бейонсе»: неужто певица, а вместе с ней и власти обвели всех вокруг пальца? Или же у источника информации — девушки-сержанта из оркестра морской пехоты — имелись собственные причины обнародовать эти сведения? Возможно, эту девушку снедала зависть оттого, что все лавры достались солистам?

Королева американских ток-шоу Опра Уинфри выступила с поддержкой Бейонсе: «Я бы еще поняла, если бы на фонограмме был записан голос Мэри Джей Блайдж или Алиши Киз, но ведь голос-то был ее собственный! Тогда к чему весь этот шум?» Свои пять минут славы урвал и некий британский звукооператор: проанализировав снятые в стиле Запрудера¹ ролики, он доказал, что Бейонсе пела вживую.

Оркестр морских пехотинцев со своими свидетельствами лишь подлил масла в огонь. Загадка наконец разрешилась, когда певица сама выступила с признанием: действительно, из-за погоды и недостаточной подготовки

¹ Фильм Абрахама Запрудера — короткий любительский кинофильм, на котором запечатлено убийство Джона Кеннеди в Далласе 22 ноября 1963 года. — *Прим. пер.*

ей пришлось спеть под фонограмму. Бейонсе заверила всех, что на финале кубка Национальной футбольной лиги обязательно споет вживую. Кроме того, чтобы восстановить поруганную честь, она исполнила перед журналистами а капелла версию гимна США.

По данным на 31 января 2013 года, поисковый запрос «Бейонсе + инаугурация + фонограмма» давал 37 600 000 результатов — а значит, широкую общественность этот вопрос по какой-то причине волновал, хотя почему именно, понимали далеко не все. Как сказал тогда сатирик Стивен Кольбер: «Если Бейонсе действительно пела под фанеру, вы хоть понимаете, что это означает?! Если понимаете — напишите мне быстрее, потому что я так на нее злюсь, так злюсь, а почему — и сам не знаю!»

Инаугурация самой влиятельной фигуры в мировой политике — мероприятие чисто символическое, и, казалось бы, торжество по этому случаю — всего лишь некое дополнительное оформление восемнадцатиминутной речи, в которой глава государства обращается к своим согражданам. Гимн, без сомнения, — очень важный ритуал, проявление национального самосознания и свидетельство связи между страной и ее жителями. Но даже если мы сознаем всю важность этого ритуала, то почему же нас так беспокоит, что Бейонсе пела под фонограмму, особенно учитывая, что узнали мы об этом спустя два дня после выступления? И почему под угрозой оказалась профессиональная репутация певицы, ведь фонограммой в шоу-бизнесе давно уже никого не удивишь?

Парадоксы обмана

Человеческое отношение к обману необычайно сложное. Мы полжизни можем прожить бок о бок

с замаскированными пушками, даже не заметив их. Но возмущению нашему не будет предела, когда мы вдруг узнаем, что популярный певец на некоем всеобщем торжестве пел под фонограмму. С одной стороны, мы безразличны, зато с другой — сверхчувствительны, причем наша чувствительность проявляется в самых неожиданных ситуациях. Почему же мы так устроены?

Мы прекрасно распознаем обман в тех случаях, когда нас о нем предупреждают. Однако смысл обмана в том, чтобы *не привлечь* внимания. Этот принцип положен в основу камуфляжа: он уводит наше восприятие в сторону и скрывает истинное предназначение предметов. Так, в случае с фальшивыми шале за нарисованными стенами прячутся пушки и радиопередатчики. Подобные военные сооружения — идеальный пример того, почему мы боимся мошенничества и обмана, ведь совершенно безобидный фасад скрывает смертельную «начинку». Принцип почти так же стар, как сама жизнь: опасные организмы сливаются с окружающей средой и нападают внезапно. Рыбы-бородавчатки, например, по окраске неотличимы от морского дна, и их замечаешь, только наступив на ядовитые шипы у них на спине. Другой пример — насекомоядные растения, приманивающие насекомых запахом, а затем пожирающие их. Противоположная форма мимикрии тоже встречается в природе на каждом шагу. Достаточно вспомнить совершенно безобидных цветочных мух с устрашающим, похожим на пчелиное брюшко рисунком или бабочек с ярким, напоминающим человеческий глаз, узором на крыльях.

Хотя обман — обычный для природы прием, у нас, людей, все же особое положение. Мы не только *знаем*, что являемся обманщиками или жертвами обмана, мы вдобавок еще и предаемся размышлениям об этом.

Человек во все времена отличался подозрительностью. Мы стараемся разделить окружающих на тех, кому можно доверять, и тех, кого следует опасаться, ищем скрытые дефекты в квартире, которую собираемся купить, а услышав по радио песню, пытаемся понять, действительно ли певец верит в то, о чем поет. Мы привыкли держать под контролем те сферы деятельности и культуры, которые считаем потенциальными источниками обмана и мистификаций, — шпионаж, законодательство, моральные установки, научные исследования, эстетические нормы и полицейские расследования. Цивилизация, будто бы пытаясь навсегда искоренить ложь и обман, развивается таким образом, что обманывать друг друга становится все сложнее и сложнее. Но и способы обмана, в свою очередь, становятся все более изобретательными, и обманщики всегда оказываются на шаг впереди, так что мы словно попадаем в самый центр вечной гонки вооружений. Возникают резонные вопросы. Какой была бы наша культура, не будь в ней этого соперничества? И каким оказалось бы человеческое самосознание? Неужели оружие в этой битве стало двигателем развития?

Служители Подземелья

Комплекс зданий, где располагается Научно-исследовательский институт Вооруженных сил, производит обманчивое впечатление. На первый взгляд он напоминает школу, где я когда-то учился. Кубические постройки в стиле 1960-х, отделанные бежевым листовым металлом и мореным деревом, двери с узкими вертикальными окошками и ребристыми деревянными ручками... Электронная пропускная система свидетельствует о том, что

здания слегка модернизировали, но, лишь попав внутрь и увидев витрину с последними изобретениями, я начинаю ощущать себя так, словно очутился в научно-фантастическом фильме. Передо мной некоторые из последних образцов, например «переносной плазмосжигатель», а также нечто, похожее на пару рычагов и крепления для сноуборда. Как впоследствии выяснилось, это высокотехнологичные сапоги-«кошки». Именно здесь лучшие ученые Норвегии работают над технологиями, знакомыми обывателям разве что по фильму «Миссия невыполнима», хотя новейшие изобретения современных исследователей имеют более земное предназначение.

Я иду дальше и попадаю в совершенно обычный кабинет, где физик Мортен Сёдерблум и его коллеги рассказывают мне об истории камуфляжа и обманных маневрах. Никто из присутствующих — ни сам седовласый улыбчивый Сёдерблум, ни рыжеволосая Даниэла Хайнрих в грубых ботинках-мартенсах — не похож на военных. Они ничем не отличаются от, например, ученых из лингвистического института. Впрочем, глядя на третьего собеседника — Стайна Кристофферсена с забранными в хвост волосами и в жилетке защитного цвета, я невольно вспоминаю фильм «Парк Юрского периода». Стайн занимается самыми хитроумными обманными маневрами (кстати, по-английски они называются *military deception*, то есть военная маскировка).

— Радар, — рассказывает Кристофферсен, — отправляет в пространство сигнал. Встречая на пути объект, сигнал измеряет его и возвращается в исходную точку. По изменениям сигнала можно судить о скорости передвижения объекта. Военная дезориентация — это способ обмануть радар, то есть создать объект, вид которого не соответствует его назначению.

Старый и испытанный способ дезориентации, который, впрочем, прекрасно работает и в наше время, — это полноразмерные макеты танков и самолетов. В прежние времена достаточно было создать видимость, поэтому макеты были надувными или изготавливались из фанеры. Сейчас же, в эпоху инфракрасных и ультрафиолетовых датчиков и радаров, поверхность маскировочных объектов должна обладать свойствами, способными ввести в заблуждение приборы. Но технологии не только усложняют жизнь, они еще и открывают новые возможности.

— Вот что мы делаем: мы перехватываем сигнал радара, видоизменяем его и посылаем обратно. И теперь в сигнал заложена информация об объекте, которого на самом деле не существует. Мы поступаем в точности как те грабители, которые воссоздавали модель помещения перед камерой слежения.

Итак, если военные минувших лет обманывали противника при помощи настоящих объектов, то сейчас настало время виртуальной дезориентации. Для наглядности Кристофферсен показывает мне изображение того, что видит потенциальный враг. На экране радара передо мной военная колонна, а рядом схема того, как преобразуется ложный сигнал. Одна колонна превращается в пять — теперь противник растеряется и задумается, в какую колонну стрелять. На другом экране я вижу лодку, оборудованную генератором помех, который посылает в атмосферу сигнал, содержащий информацию о лодке совершенно иного типа. Значит, сейчас существует возможность немного постучать по клавишам и создать какой угодно образ?

— Условно говоря, да, — отвечает Кристофферсен, — но перед нами возникает множество дополнительных сложностей. Хотя о подробностях я, пожалуй, умолчу.

«Вот тебе и на! — подумал я. — А я-то как раз вошел во вкус!»

— Мы и так работаем на виду у всех, — с виноватой улыбкой поясняет физик Даниэла Хайнрих, — особенно в странах НАТО. Рассказав обо всем журналистам, мы значительно упростим задачу нашим потенциальным противникам.

— Но мы руководствуемся одним принципом, — добавляет Кристоферсен. — Попробуй определить, что ты хочешь увидеть, и тогда легче будет понять, фальшивка перед тобой или нет. Вообще-то так устроен любой обман: когда ты смотришь на объект впервые и ожидаешь увидеть нечто настоящее, обмануть тебя намного проще. Поэтому о наших объектах мы не распространяемся — независимо от того, действуют они или нет. А когда противник не получает никаких особенных сигналов, то с большей вероятностью будет считать истинной любую поступающую информацию.

— Если бы нам пришлось целыми днями проверять достоверность получаемых сведений, жизнь превратилась бы в кошмар, — говорит Сёдерблум. — Моя дочка, например, любит подшутить надо мной. Она частенько подходит ко мне и заявляет: «Ой! У тебя на рубашке пятно!» Я опускаю голову — и она тут же щелкает меня по носу. И то и дело сообщает, сколько раз за день ей удалось меня провести. Я не всегда подозреваю подвох, поэтому нередко оказываюсь обманутым. Верить всему — это очень по-человечески.

Ложь напрямую зависит от доверия. Категорический императив — одно из основных понятий этической философии Иммануила Канта — известен многим. Согласно его максима, тебе не следует совершать по отношению к другим того, чего другие, по твоему

мнению, не должны совершать по отношению к тебе. Один из аргументов, подтверждающих это правило, касается лжи: если все начнут лгать, то исчезнет взаимное доверие, и тогда обман потеряет всякий смысл. Обманщик тоже зависит от доверия, а наиболее выгодная для него ситуация — это оставаться единственным лжецом в окружении наивных простачков. Но какова истинная сущность человека? Вспомним легенду о змее-искусителе и изгнании из рая. Следует ли из нее, что люди по своей природе честны? И что обманщики-искусители — это скорее исключение из правил? Или же все мы на самом деле лжецы и нашу подлую натуру сдерживают лишь строгие, выработанные цивилизацией нормы? Однозначные ответы дать невозможно, однако вывод напрашивается сам собой: игра, к которой человечество прибегало на протяжении всей своей истории как во время войны, так и в мирные времена, зародилась намного раньше, чем современные понятия «доверие» и «обман».

Пустые угрозы

Манящие крабы, если судить по их названию, — существа милые и безвредные. В тропиках их нередко можно увидеть на пляже, и выглядят они почти дружелюбными. Одна клешня у них непропорционально большая, зачастую даже длиннее самого тела и нередко имеет яркую окраску — желтую или розовую. Когда крабы помахивают ею, кажется, будто они радостно зовут тебя поиграть с ними в пляжный волейбол. Однако жест этот следует толковать несколько иначе. Латинское название этих крабов — *Uca pugilator* — наводит на мысль о боксерах, которые угрожающе трясут кулаками перед

носом противника¹. Да, эта огромная клешня — прекрасное оружие.

Крабы-самцы постоянно вступают в схватку с другими крабами и стремятся разорить их жилье — выкопанную в песке норку. Помимо этого, крабы дерутся, чтобы привлечь самок. Они набрасываются друг на друга, толкаются и стараются ранить соперника. В худшем случае один из участников поединка может потерять свою большую клешню, а учитывая, что именно она используется для привлечения самок, шансы такого краба на продолжение рода стремительно уменьшаются. К счастью, впоследствии клешня отрастает заново. Впрочем, у некоторых подвидов особи, потерявшие однажды клешню, считаются неполноценными. По размерам отросшая клешня ничем не отличается от предыдущей, но на поверку она намного слабее. Такие крабы похожи на размахивающих игрушечным пистолетом бандитов, и рассчитывать им приходится исключительно на свою устрашающую внешность.

Биологи называют подобную тактику *ложным сигналом* (*dishonest signal*). Природу можно считать своеобразным полем битвы, и победители в ней выигрывают право передать свои гены потомству. Однако в природе существует и множество примеров битв, которые никогда не начинаются. Представители животного мира прибегают к ложным атакам или отпугивают противника собственной внешностью, таким образом предотвращая нападение.

Биологическая теория сигналов исследует процесс формирования, восприятия и развития сигналов опасности и силы. Одно из центральных понятий в таких

¹ Pugilator (лат.) — кулачный боец. — Прим. ред.